

Боровиков

НАШИ

Современник

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

5
1963

Роман Нормана ЛЬЮИСА «ВУЛКАНЫ НАД НАМИ».

Рассказы М. ЮФИТ «СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА» и В. МАТОВА «ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОХОТНИКА».

Стихи Я. ХЕЛЕМСКОГО, Д. ГОЛУБКОВА.

Очерки Л. КУДРЕВАТЫХ, В. ПАЛЬМАНА, Г. БОРОВИКОВА.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРANIЦА

1

ВОТ уже неделю брожу я по землям, которыми в царское время владели придворные вельможи Нессельорде, Столыпина, Воронцовы-Дашковы.

В селе Лесная Нееловка было имение Столыпиных, у которых не раз гостил М. Ю. Лермонтов, наезжая сюда из бабушкиных Тархан Пензенской губернии. Столыпинская усадьба сожжена крестьянами в революцию 1905 года. Место, где стоял дом и парк, до сих пор называют «барским садом».

Отсюда, из Лесной Нееловки попали сначала в Саратов, а затем в Пушкинский дом Академии наук, лермонтовская тетрадь с поэмой «Аул Бастунджи», чернильница поэта, альбом с его рисунками.

Этот литературный факт широко известен, но о нем не можешь не вспомнить, когда попадаешь в лермонтовские места.

Над обширными полями вздымается гряда холмов, покрытых густым лиственно-сосновым лесом, тают в зное далекие сиреневые дали, свежестью тянет из крутых оврагов с холодными родниками, весело струится быстрая мелководная речка с татарским названием Карабулак.

Не здешние ли места навеяли Лермонтову поэтические строки: «Когда волнуется желтеющая нива, и свежий лес шумит при звуке ветерка?»

Я ДУМАЛ об этом, сидя на бревне в тени могучей сосны у конторы Нееловского лесничества. День переходил в вечер, в тихий, теплый вечер с розовым закатом, пронзающим лучами чащу леса, ярко-зеленую траву с зарослями ландыша. «Из-под куста мне слышны серебристый при-

Зеленый шум

Григорий БОРОВИКОВ

О ЧЕРК

В ДОРОЖНОЙ беседе я узнаю, что земли Базарно-карабулакского лесного хозяйства занимают около 34 тысяч гектаров; под лесом свыше 30 тысяч гектаров, а остальные под питомниками и свободные, ждущие лесных посадок.

Едем старым девственным лесом. Вековые красноствольные сосны высоко взметнули кудрявые зеленые вершины. Под сенью их, как под надежной охраной, густо разросся молодой хвойный подлесок. Кое-где встречается примесь липы и берез. Воздух прогрет солнцем, и смолистый запах пьянит, возбуждает острые, волнующие ощущения. Подумать только! Посреди сухого степного Поволжья живет сосновый бор с его яркими красками, лесными запахами, с пеньем птиц, с выводками тетеревов, с ядреными высыпками грибов.

Переезжаем речку Карабулак. Бегущая вода такая прозрачная, что на дне видно камешки, прутьки, прошлогодние листья.

— Здесь скоро построим пруд, — говорит Дубов.

За речкой ненадолго показался осинник, а затем в глаза мягко заструилась нежная зелень. Сразу вспомнилась сибирская лиственничная тайга.

Около двадцати лет тому назад посажена эта роща. Высокие деревья с густой, мягкой, точно бархат, хвоей сомкнулись кронами, внизу, в тенистой прохладе, сочная трава. На земле свежие лосиные следы.

Первый сажал лиственничные рощи для кораблестроения, что оконные рамы в Зимнем дворце сделаны из лиственницы и за 200 лет не подверглись разрушению от времени и сырого нежского климата.

— А как быстро растет! Прирост по 60—70 сантиметров за лето.

Осматриваем посадки лиственницы вместе с сосной, вместе с березой. Везде сибирская гостья чувствует себя хорошо.

3.

В КОНТОРЕ лесного хозяйства висит на стене таблица — отчет о проведенных в 1963 году лесохозяйственных работах. Посеяно и посажено леса немало.

На этот молодой лес хочется посмотреть своими глазами. При первой же возможности отправляюсь в поездку с главным лесничим.

Григорий Николаевич Дубровский занимается лесом около сорока лет. Недавно ему присвоено звание заслуженного лесоведа. Он знает здесь каждый уголок, каждую тропинку, каждый родник.

Поблескивая стеклами очков, за которыми искрятся молодостью и зрелой мудростью острые глаза, Григорий Николаевич не может удержать силы, заставляю-

венницу, березу. Молодой лес поднялся уверенно. Над ним летал самолет, распыляя ядохимикаты против вредителей. Пейзаж напоминал яркий плакат: хлебные поля расчерчены на прямоугольники темно-зелеными лесными полосами.

Я сказал о своем впечатлении Дубровскому. Тот ответил рассказом о лесных полосах в совхозе имени Нансена под Балашовом.

— Там лесные полосы заложены более сорока лет назад. Они не только повышают урожайность полей... Они дают древесину. Совхоз уже лет десять имеет свой строительный лес, свои дрова.

Хозяйственное значение леса я видел и в Базарном Карабулаке. В лесхозе есть промышленный цех, где изготавливают кадки, тракторные сани, куриные домики для летних птичьих лагерей, оконные рамы, косяки и двери, стропила. Многие дома в Базарном Карабулаке строятся из местного леса.

Во дворе дома колхозника, где я жил, стояли пилоарама и электрический рубанок. Весь день тут изготавливали оконные коробки, подоконники, двери.

— Из привозного леса? — спросил я рабочих.

— Из своего, из карабулакского, — с похвальбой отвечали мне рабочие.

У многих домов видел я сложенные впрок сосновые жерди и сляги. Видел грузовики с прицепами, нагруженные бревнами. Знакомился со сведениями о выработке на одном лесозаготовитель-

как увеличится урожай хлебов, а фрукты станут расти на деревенских улицах, вдоль дорог. Слова его звучат, как хорошие стихи.

Но мне все-таки горько при виде вырубок в лесу.

— Здесь лес рубили по новому способу, — показывает Дубровский просеку, — видите, не погубили подлесок.

Подлесок сохранен, молодые сосны поднялись метра на три. Слушая хвалу лесничего новому способу валки леса, я с грустью думаю о том, сколько лет пройдет, пока подлесок станет настоящим лесом, таким, какой тут рос и который спилила бездушная пила, пущенная беспощадной рукой.

4.

— Вы должны побывать на Легком роднике, — сказал мне однажды Дубровский. — непременно!

— Я был на других родниках, пил вкусную холодную воду.

— Это не то.

В одну из поездок по лесам мы завернули к Легкому роднику.

На поляне, окруженной березами, дубами и липами, пестрели цветы, и пронизанный солнцем воздух гудел от пчел. По краю поляны синел овраг, по дну которого журчал ручей. Вода вытекала из-под корней дуба-великана, осенившего непроницаемой тенью родник и овраг. В каменном срубе вода дрожала от выбивающих из земли струй, кипела у песчаного дна. Ни соринки, ни капельки мути, вода прозрачна, как утренний воздух.

Когда мы напились и легли в тени дуба, Григорий Николаевич сказал:

— Вода тут легкая. Сколько ни пей, тяжести в желудке не чувствуешь.

с розовым сапатом, прошившим лучами чащу леса, ярко-зеленую траву с зарослями ландыша. «Из-под куста мне ландыш серебристый приветливо кивает головой».

Две девушки, саратовские студентки, приехавшие в лесничество на практику, в пестреных сарафанчиках, успешные загореть и поцарапать о кусты руки, поднимались из оврага с охапками ландышей. Не замечая меня, они остановились, оглядывая лесные склоны.

— Слышишь? — спросила одна.

— Зяблик, — ответила другая.

— А еще?

— Ручей журчит.

В лесной тишине самозабвенно пел зяблик, и ему чуть слышно подпевал ручей.

«Когда студеный ключ, играя по оврагу», — вспомнил я лермонтовскую строку, воображая, как тут Лермонтов слушает лепет «таинственной саги» этого ручья. Ведь я сидел недалеко от того места, где стоял столыпинский дом, и на меня веяло лермонтовской поэзией через соприкосновение с природой, воспеваемой им, через ощущение величия и простоты жизни.

2.

ДИРЕКТОР Базарнокарабулакского лесного хозяйства Дубов молод и крепок, как и подобает лесному жителю. Прямой, твердый взгляд его кажется простодушным от доброй белозубой улыбки, с какой он обычно смотрит на собеседника.

— Давно вы, Василий Григорьевич, работаете в лесном хозяйстве?

— Пятнадцать лет.

Он ведет автомашину по напизно извилистой лесной дороге, ловко объезжает выбоины, пни, ныряет в густые заросли и скупо рассказывает. После окончания Воронежского лесохозяйственного института его направили в Поволжье, где он и осел прочно.

Сомкнулись кронами. Внизу, в тенистой прохладе, сочная трава. На земле свежие лосиные следы.

Посадки сибирской лиственницы здесь проведены впервые в Саратовской области лесоводом Алексеем Никоноровичем Сорокиным, местным жителем, который любит лес и отдал ему много лет жизни. Сорокин ушел на пенсию и живет в родной Лесной Нееловке. Дело, которому он служил, продолжают другие, в частности главный лесничий Григорий Николаевич Дубровский.

Успех с выращиванием лиственницы пришел не сразу. С трудом удалось открыть секрет, который заключался в микоризе, особом грибе, содержащемся в лесной почве. В степной почве не содержится грибов-микоризообразователей; ее пришлось «заражать» микоризой, то-есть вносить под посевы и посадки лиственницы лесную землю.

Теперь лиственница растет здесь всюду: в полевых защитных и придорожных полосах, на улицах поселка; немало высажено ее в садах и парках Саратова.

Выращивание саженцев — дело кропотливое. В питомнике на четырех гектарах разбежались зеленые строчки. Это всходы лиственницы. За ними нужен уход: пропалывать, присыпать опилками для уменьшения испарения влаги, удалять большие сеянцы. Через год вырастет полтора миллиона саженцев. На всех питомниках лесхоз выращивает до шести миллионов саженцев, которые вывозятся в лесные хозяйства области, а в будущем году намечено вырастить около 16 миллионов.

— Лиственница — не только красивое лесопарковое дерево, — говорит директор. — Она дает прекрасную древесину, легкую в обработке, как сосна, и прочную, как дуб.

Говорим о том, что Петр

ростко острые глаза, Григорий Николаевич не может удержать силы, заставляющей его быть подвижным, разговорчивым. О лесе он говорит с любовью. И немудрено: всю жизнь посвятил он выращиванию деревьев.

— Это привитые сосны, — показывает он на участок молодого бора. — На обыкновенную сосну привили шишконосную, чтобы больше получить семян.

Когда я посмотрел на привитые сосны, Дубровский повел меня на другой участок.

— А это лиственница, привитая на сосну.

Удивительно дерево, на котором ветви сосны перемешались с ветвями лиственницы.

Выходим на участок, где сосны посажены гнездовым способом — по пять — семь в гнезде.

— Для опыта: есть ли внутривидовая борьба, — объясняет Григорий Николаевич. — Приезжают ученые из Москвы, Ленинграда, спорят...

Григорий Николаевич вызывает у меня зависть знанием жизни деревьев, проникновением в тайны этой жизни, скрытой от глаз непосвященного человека. Невысокий, плотный, сильный в движениях, он быстро переходит от сосны к сосне, берет в руки ветви, показывает на цветы, объясняет как происходит зарождение шишки с семенами.

В запасе у лесничего есть еще один уголок, которым он, наконец, решает порадовать меня. Мы заходим в заросли деревьев с остроконечными овальными листьями, издающими резкий неприятный запах.

— Что это за деревья?

— Не знаю, вижу впервые.

— Амурский бархат. Пробковое дерево. Сохранилось от доледниковой эпохи.

ОТСЮДА мы поехали на лесные полосы в колхозах «Россия», «Родина», им. В. И. Ленина. Лесхоз посадил в полях и на оврагах сосну, листвен-

вику с прицепами, нагруженные бревнами. Знакомился со сведениями о выработке на одного лесоруба, на одну механическую пилу. Видел и трелевочные тракторы для вывозки древесины. Все, как где-нибудь в северных или сибирских лесах, где лесозаготовки ведутся в больших размерах.

И мне больно было смотреть на свежесрубленные сосновые бревна, недавно бывшие живыми деревьями. Эта боль была особенно острой при виде пней, оставшихся от вековых сосен у деревни Лесной Нееловки по соседству с бывшим имением Столыпинных. Сотни сосен, молчаливых свидетельниц прогулок Лермонтова, погибли под зубьями прославленной механической пилы.

Сосна растет медленно и живет до 300 и более лет. Какой же смысл рубить 80—100-летние деревья и на их месте высаживать крохотные саженцы?

Думается, что в степной местности надо оберегать от пилы и топора каждое дерево, пока ему не пришло время умирать своей смертью. Базарнокарабулакские леса — редкость и гордость Саратовской области. Разумно было бы запретить вести в них заготовку древесины и объявить их запovedными, допуская рубку лишь в порядке ухода за лесом.

Высказываю все это лесничему.

— Конечно... но нам дают план лесозаготовок, — отвечает Дубровский. — Есть в колхозах бросовые земли: пески, овраги. Все скоро засадим лесом. Деревенские улицы озеленим. А Базарный Карабулак окружим садами. Вон, видите склон... Его мы засадили черной смородиной. А тот холм засадим яблонями, вишней.

Он увлеченно говорит о том, как лес увеличит влажность почвы и воздуха, смягчит знойное дыхание степей,

— Вода тут легкая. Сколько ни пей, тяжести в желудке не чувствуешь.

— У всех родников заруды устраиваете? — спросил я.

— Стараемся, но еще не все родники расчищены, не везде заруды сделаны.

И ОН СТАЛ говорить о том, что вода привлекает в лес птиц, помощников человека в борьбе с вредителями, что человеку нельзя жить без леса. Говорил он без пафоса, пожалуй, слишком спокойно и деловито, но в словах его чувствовалась любовь к делу, которому он посвятил всю жизнь. И я не удивился, узнав, что один его сын выучился, а другой учится на лесовода.

— Династия лесоводов Дубровских, — заметил я.

— Да, сыновья пристрастились к лесному делу.

Так, разговоривая, отдыхали мы у Легкого родника, и в душе у меня поднималось горячее чувство любви к родному краю, к его природе, которую все мы призваны беречь и умножать.

Над ближним полем, видимым в разрыве леса, волнами плыл знойный воздух. А здесь, в лесу было прохладно. Журчал ручей по оврагу. В густых ветвях березы тонно стонала горлинка. По вершинам деревьев пробегал ветерок, и тогда весело разносился окрест зеленый шум.

Лирическое

На поселок тихий вечер,
Сдвинув брови, опустился.
С неба месяц чью-то встречу
Подсмотрел и застыдил.

Спрятал розовые щеки
В синеве уснувшей ночи.
А от счастья в тихой роще
Как заря горели очи.

Ф. КАЗАКОВ,
совхоз «Динамо».

За победу коммунизма
3 стр. 10 декабря 1963 г.